

ДИСКУССИИ

**ЗАМЕТКИ ПСИХОЛОГОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
О ПОЗИЦИИ МЕТОДОЛОГА**

**к статье А.В. Юревича “Психология и методология”
 (“Психологический журнал”, 2000, № 5)**

© 2002 г. И. О. Александров*, Н. Е. Максимова**

**Канд. психол. наук, ст. научн. сотр. ИП РАН, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13а, Россия;
e-mail: nialeks@psychol.ras.ru*

***Канд. психол. наук, ст. научн. сотр., там же; e-mail: nemaks@psychol.ras.ru*

Современная психология, по мнению А.В. Юревича, охвачена кризисом (судя по отсылкам к временам Г. Фехнера – кризиса “первородного” и перманентного), в основе которого лежат “усталость сообщества от рационализма” и “позитивистское перенапряжение”.

По-видимому, автор не случайно избрал для изложения своей точки зрения стиль научной публицистики: избегал точных определений основных понятий, пользовался метафорами, использовал ссылки на публицистику, научно-популярную и художественную литературу. Мы полагаем, что предложенная в статье интерпретация положения дел в психологической науке следует из неточного или слишком общего понимания рационализма, позитивизма (и как философской доктрины, и как системы исследовательских нормативов); из “вневременного” и “внешнего” взгляда на психологию как научную дисциплину. Кроме того, такая стилистика предполагает обращение к широкой, в том числе и непрофессиональной аудитории.

Представляется, что А.В. Юревичу трудно было бы обосновать свою точку зрения, если бы он использовал более строгие формулировки. Мы проанализируем позицию автора, уточнив значения использованных им понятий.

I. “УСТАЛОСТЬ ОТ РАЦИОНАЛИЗМА”

Автор утверждает, что источник современного кризиса рационалистической психологии – “иррационализация всей общественной жизни” (с. 38). Для доказательства этого положения он обращается к публицистике славянофилов – К.С. Аксакова (1791–1859), И.В. Киреевского (1806–1856) и А.С. Хомякова (1804–1860); произведений А.И. Герцена (1812–1870); заметим, что процитированные авторы работали в эпоху, которая совпадает по времени с этапом формирования эксплицитной позитивистской методологии, когда психология как самостоятельная научная

дисциплина только начала складываться; к популярной литературе (К. Саган – “Драконы рая”); и даже к фантастике (братья Б. и Н. Стругацкие). Таким образом, в статье представлена “вневременная” точка зрения, выражающая отношение к рационализму в самом широком понимании этого термина, включая обыденное. При этом кризис рационализма оценивается как утрата или распад рациональности и переход к иррационализму. Судя по тексту, автор придерживается сходной интерпретации кризиса в психологии – в качестве единственной альтернативы распадающемуся рационализму рассматривается именно иррационализм.

Следует отметить, что понятие “рационализм” вызывает весьма широкий круг ассоциаций (например, с определенными классическими философскими школами, с философией истории М. Вебера), которые выходят за пределы круга обсуждаемых проблем. Поэтому в данном контексте следует обсуждать не общеполитическое понятие “рационализм”, а общенаучную ценность “рациональности”.

Рациональность научного знания предполагает существование единой системы логических приемов формирования и верификации (установления истинности) знания. За время существования европейской науки сменилось несколько таких систем и, соответственно, несколько идеалов и типов рациональности (см. [7]). В процессе эволюции науки для научного сообщества реальными альтернативами являются не рационализм/иррационализм, а различные типы рациональности.

В рамках классической науки рациональность знания выступала как зависимость научного знания только от “реальных” свойств изучаемого объекта и правил, которые позволяют исследователю видеть вещи “такими, как они есть” независимо от позиции наблюдателя; классическое “рациональное” знание об объекте – единственно правильное, оно должно воспроизводиться любым субъектом познания, независимо от его тео-

ретической позиции, при условии соблюдения правил вывода. Эта модель рациональности точно соответствует наиболее важным положениям *индуктивистской доктрины* и, что весьма важно для обсуждения, именно в ее рамках складывалась *методология позитивизма*.

В постклассический (неклассический, постнеклассический в терминах В.С. Степина [21]) период развития науки интенсивно формировалась (и продолжает складываться) иная модель рациональности, противостоящая индуктивистской, а, следовательно, и методологии позитивизма. В рамках этой модели неразрывность теоретических и эмпирических компонентов знания, включенность в знание личностных компонентов принимается как важное и неотъемлемое свойство познания; представление о направленности исследований на установление единой истины сменилось представлением о множестве конкурирующих концептуальных систем, о принципиальной погрешимости знания; джастификационистским моделям верификации знания, направленным на поиск подтверждения, индуктивистским по сути, были эксплицитно противопоставлены фальсификационистские – направленные на опровержение, селекцию гипотез. Эта модель рациональности представлена несколькими версиями, но все они опираются на *гипотетико-дедуктивный метод*. Нет основания считать, что каждый из типов рациональности в точности эквивалентен соответствующему методу познания, но можно полагать, что основные ценности, нормативы и установки позитивизма выражаются в индуктивном методе, а пост-, не- и контрпозитивистская рациональность генетически восходит к тем же корням, что и гипотетико-дедуктивный метод и дедуктивно-номологическая модель предсказания/объяснения.

Рациональность, как и метод познания, входит в число наиболее фундаментальных *общенаучных ценностей*. Поэтому надежды на построение какой-либо специфической (например, гуманистической) рациональности, отличной от рациональности “точных” или “естественных” наук, для психологии неосуществимы, (см., напр., глубоко аргументированную позицию Н.С. Автономовой [1]).

Смена типов рациональности – не переход от одного ее типа к другому, уже заданному, сформированному, зрелому, а выработка и включение уже известных частных приемов в число новых формирующихся нормативных и объяснительных принципов. Так, К. Поппер не “изобрел” принцип фальсификации, один из ключевых для развивающейся рациональности, он лишь эксплицитировал и дал логическое обоснование нормам, зародившимся еще в исследовательской практике классического периода развития науки. И. Кеп-

лер пришел к представлению об эллиптичности орбит планет в результате отбрасывания четырех гипотез из пяти им сформулированных. В.И. Вернадский отмечал, что “неверные звенья нашего научного мировоззрения входили в него, пока не была доказана их невозможность...” [3, с. 43]. Математическая статистика по своей сути с самого зарождения была фальсификационистской дисциплиной (см. [5]). Сама логика выявления каузальных связей в исследовании изначально строилась как последовательное отвержение предполагаемых факторов/причин. Принцип фальсификации прошел длительных и сложный путь развития – от стихийного применения в практике исследований к его эксплицитной формулировке, данной К. Поппером, к “догматическому” фальсификационизму (см. [11]), и – далее – к современным его формам. Процесс смены типов рациональности выражается, в частности, в построении эклектичных концепций. В качестве примеров приведем представление о “квазииндукции”, совмещающее индуктивистскую и гипотетико-дедуктивную логику [18, с. 224], и о “гипотетико-дедуктивной концепции индуктивной логики” (см. [24]).

Смешение противоречащих друг другу типов рациональности проявляется и в исследовательской практике, примером этого может служить приведенный А.В. Юревичем пример “отбора лишь тех коэффициентов корреляции, которые устраивают исследователя” (с. 39). Такой (вполне реальный!) исследователь занят поиском *подтверждений* гипотезы, придерживаясь индуктивистской модели рациональности. Именно поэтому он нарушает нормы математической статистики, для которой в соответствии с принципом фальсификационизма (а это важнейшая черта гипотетико-дедуктивной модели рациональности) требуется именно отклонить гипотезу, а “аргументов против термина “принять” является то, что вы способны принять несколько взаимоисключающих гипотез в одно и то же время” (см. [5, с. 98]).

Таким образом, с нашей точки зрения, действительно можно говорить о “кризисе рациональности”, однако он не является чем-либо специфическим для психологии, что отличает ее от других научных дисциплин: этот кризис носит общенаучный характер. Для одних дисциплин (из числа естественнонаучных) кризис завершен или близок к завершению, для других, более молодых, в том числе – психологии, он еще только разворачивается. Его суть заключается в переходе от одного типа рациональности – позитивистского, к другому, противостоящему позитивизму, до сих пор не получившему единого названия, а не в смене рационализма иррационализмом. Психологию отличает большое разнообразие научных школ, направлений, парадигм, которые находятся на раз-

ных стадиях смены типов рациональности. Одни из них не рефлектируют кризисное состояние, другие интенсивно стремятся к преодолению эклектичности переходного периода, и нам представляется некорректной оценка кризисного состояния для психологической дисциплины в целом, которую дает Юревич.

Заметим, что среди утверждений автора можно обнаружить высказывания, которые можно соотнести с ранними стадиями кризиса. Так, имплицитную приверженность позитивистской модели рациональности можно усмотреть в призыве автора к разработке единой “парадигмы, способной решить главные методологические проблемы психологии: ее разобщенность на непересекающиеся исследовательские направления...” (с. 44). Этой модели соответствует само предположение возможности выработки единой “единственно верной” позиции для всей дисциплины. В основании постклассического же (неклассического, постнеклассического) – гипотетико-дедуктивного рационализма входит представление о “принципиальной погрешимости любого знания”, допущение множества конкурирующих концептуальных систем.

II. “ПОЗИТИВИСТСКОЕ ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ”

“Позитивизм – это напряженность: все время ждешь, что тысяча первый лебедь будет черный, что следующий прохожий даст мне в зубы, а случайный камень заговорит по-китайски. От этого устаешь.”

М.Л. Гаспаров [4, с. 397].

Позитивизм – сложная логическая система положений и чтобы определить, каков именно источник “перенапряжения”, следует проанализировать основные признаки позитивизма. А.В. Юревич приводит следующий их список:

- 1) научное знание базируется на твердых эмпирических фактах;
- 2) теории выводятся из фактов (и, следовательно, вторичны по отношению к ним);
- 3) наука развивается посредством постепенного накопления фактов;
- 4) поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение;
- 5) теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции;
- 6) теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку эмпирическим опытом.

Мы полагаем, что основа доктрины позитивизма – индуктивный метод. Следует заметить, что приведенное в списке понятие *рациональной индукции* восходит к Р. Декарту, а по точной

оценке А.Ф. Лосева: “Декарт – основатель новоевропейского рационализма и механизма, а стало быть, и *позитивизма*. Не жалкая салонная болтовня материалистов XVIII века, а, конечно, Декарт есть подлинный основатель философского позитивизма” [15, с. 43]. Действительно, позитивизм как философское направление и как система методологии науки формировался в рамках индуктивизма. Можно показать, что именно из индуктивистской логики вытекают как те особенности позитивизма, которые приведены в списке (кроме утверждения № 6, которое именно *в отношении гипотез, но не теорий*, не является отличительной чертой позитивизма), так и другие, сформулировать которые важно в контексте обсуждения, например:

- предположение, что исследователь может видеть вещи “такими, как они есть”, наблюдать факты, независимые от позиции наблюдателя;
- неразличение феномена, эмпирики и факта;
- представление об идеале научного знания как корпусе позитивных фактов, полученных без помощи спекулятивных рассуждений, теоретических конструкций и не подлежащих теоретической интерпретации;
- положение о том, что *исключение теоретизирования* – единственный путь к построению рационального, надежного, валидного, не имеющего альтернатив знания.

Заметим, что суть позитивизма составляет не приращение особенного значения объективности, надежности, истинности, рациональности знания, безусловных общенаучных ценностей, а специфика познавательной позиции, а также нормативы и приемы, ей соответствующие. Центр позитивистской доктрины – индуктивизм. Примечательно, что в эпиграфе, приведенном к этой части комментария, филологом Гаспаровым дано метонимическое определение позитивизма: для этого было достаточно указать характерную черту индуктивизма (установление факта через исчерпывающее перечисление феноменов), настолько тесно связаны методология позитивизма и индуктивная логика. Именно индуктивизм с его неосуществимыми, романтическими претензиями на абсолютную объективность знания, основанный на сверхсчетоводской усидчивости исследователя, а не точном формулировании систем гипотез/контргипотез (наиболее яркий творческий компонент исследования) – источник неприятия позитивизма.

Какие же нормативы исследования, по мнению А.В. Юревича, вызывают у психологов тяжелое перенапряжение, и действительно ли они связаны с методологией позитивизма?

1. В качестве важного источника “напряжения” выделено требование следовать определенной логике исследования. Этому положению про-

тиворечит приведенное Юревичем представление о том, что “научное знание строится не путем рациональной индукции (или дедукции), а на основе интуиции, инсайта...” (с. 38). К сожалению, автор не привел подробных аргументов, но это означает, что *любая форма рациональности, любое логическое обоснование метода связывается им с позитивизмом*, ведь третьей логической системы, претендующей на роль общенаучного метода не существует, если не принимать за самостоятельные логики эклектичные “гипотетико-индуктивизм” (см. сноску 4 на с. 38), “квазииндукцию” Поппера или “гипотетико-дедуктивную концепцию индуктивной логики” (см. раздел I).

Нам представляется неприемлемым представление о жесткой связи гипотетико-дедуктивной логики (и метода) с позитивизмом. Действительно, индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы на протяжении развития европейской науки Нового времени сосуществовали и развивались “параллельно”, но уже в рамках логического позитивизма стало очевидным, что конкуренция методов разрешилась полным крахом индуктивизма. В работах А. Койре, П. Дюгема, К. Поппера, Дж. Агасси, посвященных истории науки, показано, что открытие закона гравитации Ньютоном, создание электромагнитной теории Ампером, которые “считались примерами триумфального применения индуктивного метода”, не могут рассматриваться в этом качестве [10]. Анализируя положение индуктивного метода в рамках методологии, К. Хьюбнер замечает: “...когда методология никоим образом не использует результаты индуктивной логики и даже прямо отвергает их (о чем говорит пример Кеплера), то это не может не дискредитировать ее именно как логику” [23, с. 110]. Не просто *постпозитивист*, а точнее – *антипозитивист* Поппер на основе анализа возможностей и опыта применения индуктивного метода, пришел к выводу, что “*индукция, то есть вывод, опирающийся на множество наблюдений, представляет собой миф*” [18, с. 271]). Таким образом, гипотетико-дедуктивная логика действительно применялась в рамках позитивистской науки, но она способствовала краху позитивистской доктрины, не являясь ее органической составляющей.

Если следовать рассуждениям Юревича, то позитивистскому давлению не будет подвержен лишь исследователь, свободный от логики, от метода. Исследования же бывают искажены не прокрустовым ложем гипотетико-дедуктивного метода, а самодеятельностью авторов, незнакомых с его требованиями. Примеры “теневой методологии” и “позитивистского камуфляжа”, приведенные автором, чтобы показать негативные результаты “позитивистского перенапряжения”, не достигают своей цели. Рассмотрим пример с Г. Менделем, который, по утверждению ав-

тора (или им воспроизведена ложная оценка источника), “в нарушение всех норм науки попросту придумал эмпирические данные, подтверждающие открытые им законы вовсе не эмпирическим путем” (с. 39). Это просто не соответствует действительности. Мендель установил закономерность наследования признаков формы и окраски семян гороха, впервые применив новую для биологии жесткую норму контроля – статистику, и потерпел неудачу, попробовав проверить эту закономерность на других растениях – ястребинках. Если бы Мендель не использовал статистику (“искусственно ограничивающий <исследовательскую практику> стандарт” – с. 39), он мог и не заметить неудачи. Если бы он, с его талантом исследователя, намеревался подтасовать результаты, то он не вводил бы в исследование статистические критерии, и закономерности, полученные на горохе, получили бы подтверждение на чем угодно, даже если бы он высаживал в грядки не семена ястребинки, а пуговицы. Мендель построил исследование в соответствии с самыми высокими требованиями гипотетико-дедуктивного метода, еще не сформулированными эксплицитно к тому времени дедуктивно-номологической модели предсказания/объяснения и логики фальсификационизма. Но ему, в силу объективных причин, не удалось правильно построить эксплананс – в то время еще не было известно, что для ястребинок характерен апомиксис – размножение, не сопровождающееся половым процессом. Ботаник, пользующийся “самоочевидными принципами познания” (с. 38), наверное сумел бы получить подтверждение закономерности и, к сожалению, в отличие от Менделя не оставил бы научную деятельность, столкнувшись с неудачей. Заметим, что понятие “самоочевидные принципы познания” вполне картезианское и входит в ту же группу понятий, что и “позитивный факт”.

В качестве примера произвола исследователей, нарушающих строгие критерии, часто приводят Р. Милликена. Он первым дал достаточно точную оценку заряда электрона, но при этом отбрасывал некоторые измеренные значения, которые считал ошибочными или неточными [22, с. 215]. Действительно, ранние этапы формирования критериев часто выглядят как произвол, но в 1909 г. не было разработано критериев отбрасывания “резко отклоняющихся значений”, которые теперь обязан знать и уметь правильно использовать каждый исследователь, независимо от области его специализации (см., например, справочник [16, с. 191–202]).

А.В. Юревич точно отметил, что *планирование и описание выполненного исследования*, как правило, не совпадают (с. 39). Однако это не является следствием “позитивистского камуфляжа”. Гипотезы, формулируемые при планировании исследования, могут не совпадать и действительно

часто не совпадают с гипотезами, построенными для объяснения полученных данных. Это не “формулирование гипотез *post factum*”, не особый род обмана научного сообщества, а неизбежное следствие изменения роли и формы гипотетических конструкций в процессе развертывания исследования – сначала как предсказаний *альтернатив будущих результатов* (почти неизбежно неполного набора), затем – как альтернатив объяснения уже полученных результатов, в конце концов – как следствие изменения уровня знаний исследователя, неизбежного результата исследования. Этот пример скорее говорит о развитии норм – от “романтического” представления о возможности исчерпывающего предвидения всех потенциально возможных альтернативных гипотез *a-priori* (в чем обнаруживается родство с проблемой исчерпывающего индуктивного перебора) к изменению дедуктивно-номологической модели предсказания/объяснения, учитывающей возможность уточнения и выявления новых альтернатив в процессе исследования. Если исследователь не формирует гипотезы эксплицитно, они все равно направляют ход исследования, будучи высказаны в недифференцированной форме, например, как общая мотивация исследования (“интересно знать”, “никем не исследовано”, “неизвестно”, “белое пятно” и т.п.); это проблема культуры организации исследования и представления результатов. Так, в современной исследовательской культуре не принято эксплицитно высказывать также и статистические гипотезы, но это не значит, что они не формулируются, по крайней мере квалифицированными специалистами.

Требуется обсуждения также “громко афишируемый” отказ Ассоциации гуманистической психологии “от самих позитивистских стандартов” (с. 40). Методологии важнейших направлений (школ) гуманистической психологии, основные представители которой по странному недоразумению традиционно приводятся как пример непримиримой борьбы с позитивизмом в психологии, в полной мере присущи важные характеристики позитивизма из числа тех, что приведены выше. Это, в частности, показывает анализ результатов исследования, проведенного С. Крипнером и Р. де Карвало [9]. Отметим общую ориентацию различных версий гуманистической психологии на индуктивизм, неразличение феномена и факта, принятие объекта таким, “каков он есть” при “временном прекращении суждений” [9, с. 117]. Дополним этот список ярчайшей позитивистской оценкой роли теории в психологии, данной Ф. Перлзом (цит. по [20, с. 140]). Впрочем, окончательную оценку этой ветви психологии дать затруднительно: С. Крипнер и Р. де Карвало отмечают, что ответ на такого рода вопросы может быть получен “только тогда, когда гуманистические психологи приступят к научным исследова-

ниям в областях, определенных ими в качестве значимых” [9, с. 125]. Поэтому противопоставление автором позитивистской и гуманистической “парадигм” в психологии (более подробно рассмотренное в [26]) выглядит недостаточно обоснованным. Приведенные примеры показывают, что демаркационная линия позитивистской и непозитивистской психологии проходит не там, где ее видит Юревич...

Таким образом, отказ от позитивизма не требует разрушения логической структуры исследования, гипотетико-дедуктивный метод и дедуктивно-номологическая модель предсказания/объяснения не являются позитивистскими нормативами. Так, по словам И. Лакатоса, отказ от индуктивизма был не отказом от критериев рациональности знания, а лишь “отступлением от утопических идеалов” [11, с. 15]. Неправомерно связывание позитивистской методологии с требованиями точности, воспроизводимости, репрезентативности, валидности и надежности знания, которые хотя и изменились за последнее столетие, но сохранили свое положение среди наиболее высоких общенаучных ценностей. Отход от позитивизма действительно требует изменения норм планирования исследования и процедур, их обеспечивающих, во многом даже ужесточение критериев, но ни в коем случае не снижение. Это изменение соответствует различию между индуктивным и гипотетико-дедуктивным методами.

В ситуации становления новой методологии невозможно дать единую оценку всему сообществу психологов. Одни исследователи и сегодня не видят альтернативы позитивизму и этим оправдывают свой уход в рамки обыденной логики, а другие руководствуются принципиально непозитивистской гипотетико-дедуктивной логикой, как, например, К. Левин, который еще в 30-е гг. XX в. строил исследования именно так (см. подробно [12, с. 29–40]).

2. Другой источник *позитивистского давления*, выделенный автором, – “форсированная математизация” (с. 39); “попробуйте, например, защитить диссертацию, не применив в своей работе математический аппарат” (с. 41). Автор, по-видимому, подразумевает, что это высказывание – риторическое, и не требует ответа, но ему можно возразить: “Попробуйте обосновать выводы исследования, не применив статистические процедуры!”. Невозможно представить себе, что Юревич допускает, что исследователи, не знакомые с математической статистикой, обладают особо высокими моральными качествами, которые не позволили бы выдавать частные мнения (или плоды нездорового воображения) за обоснованные суждения или подтасовывать результаты исследования. Нарушения правил применения статистических процедур при тестировании лекарственных

средств – один из источников нежелательных, а часто и трагических последствий для пользователей. Разумеется, цена ошибок в психологических исследованиях не так высока, как в фармакологии, но и статистические критерии отвержения гипотез в этом случае намного мягче. Грамотное применение статистики позволяет обоснованно избежать неоправданного ужесточения критериев. Так, в поисковых исследованиях предписывается применять наиболее либеральные статистические критерии, чтобы снизить риск преждевременного отбрасывания гипотез.

Математическая статистика – общенаучная служебная дисциплина. Одна и та же система статистических процедур и критериев позволяет точно формулировать гипотезы и совершать формально обоснованный отсев наименее правдоподобных из альтернативных гипотез, минимизирует возможность ошибочных суждений в любой предметной области знания, дисциплине, парадигме.

Статистические процедуры достаточно прозрачны – при условии указания на особенности их применения в исследовании и подробном описании результатов, – а это прямо предусматривается современными требованиями к оформлению публикаций, потому что тогда оказывается возможным выявление ошибок и подтасовок, распознавание вымышленных данных. Так, одно из самых убедительных доказательств ошибочности “новой хронологии” А.Т. Фоменко основывается на проверке корректности статистических процедур, примененных Фоменко и его соавторами [2]. Если критика хронологии, предложенной Фоменко, обосновывается сопоставлением с другими хронологическими системами, то это может рассматриваться как проявление конкуренции различных точек зрения. Взгляд же с наддисциплинарных позиций статистики формально определяет, могут ли они в принципе рассматриваться как равноправные. Если одна из концепций построена с нарушениями статистического вывода, их содержательное сопоставление не имеет смысла.

Принятие нормативов математической статистики не может быть рассмотрено как следование требованиям методологии позитивизма. Математическая статистика изначально построена в соответствии с принципом фальсификации, не вписывающимся в точные рамки позитивизма (см. раздел I). Заметим, что наименование одной из областей математической статистики – *индуктивная* – не означает, что она построена в соответствии с идеалами индуктивной логики, скорее это название отражает попытку средствами статистики реализовать неосуществимое требование перебора всех возможных подтверждений индуктивно обоснованного обобщения (решить так называемую “Юмовскую проблему индукции”).

Психологическое сообщество крайне неоднородно в отношении математико-статистической грамотности. С одной стороны, многие математико-статистические приемы были впервые разработаны именно психологами и/или получили развитие в психологических исследованиях, например, факторный анализ, линейно-структурное моделирование (LISREL), дискриминантный и дисперсионный анализ, многомерное шкалирование. Эти процедуры широко используются в иных дисциплинах и приобрели наддисциплинарный статус. С другой стороны, Т.В. Корнилова, вероятно имея в виду ту же часть популяции, что и Юревич, замечает: “Психологи упорно продолжают предлагать сравнение выборочных средних как меры центральной тенденции применительно к шкалам порядка (например, для методики ранжирования ценностей М. Рокича), используют для оценки результатов ранжировок t-критерий Стьюдента или проводят факторный анализ с данными, представленными в шкалах наименований” [8, с. 110]. М. Сакс и Дж. Томас в статье с характерным названием “Верноподданническое приношение дани божеству значимости” из научно-юмористического “Журнала дрессировщика червей”, обращаясь к этой же части психологического сообщества, призывают применять t-критерий как можно чаще и без излишних раздумий – когда-нибудь что-нибудь да получится, а по поводу наказуемости со стороны сообщества замечают: “...большинство читателей не демонстрируют большого понимания (если вообще что-нибудь понимают)” [27].

Действительно, положение дел в психологическом научном сообществе можно охарактеризовать, перефразируя известный афоризм Станислава Ежи Леца: “Одним и чужая неграмотность мешает проводить исследования, а другим – и своя не помеха”.

III. МЕТОДОЛОГ: “ПОДМЕНА СУЩНОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ ИХ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИМИ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМИ” (С. 42) ИССЛЕДОВАТЕЛИ: “ГИПОТЕТИКО-ДЕДУКТИВНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ”

Проблема феноменологизма психологии – самый центр и публикации А.В. Юревича, и комментария, потому что для ее разрешения, с точки зрения исследователей, необходимо привлечь нормативную базу новой, не позитивистской рациональности, – строгое следование гипотетико-дедуктивному методу (дедуктивно-феноменологической модели предсказания/объяснения), фальсификационистский (не джастификационистский)

принцип верификации гипотез и корректное использование статистических процедур.

С точки зрения Юревича, феноменологичность психологии – ее до сих пор непреодоленный “врожденный” недостаток. Он утверждает, что “психологи изучают психологическую реальность в том виде, в каком она предстает их восприятию, т.е. по существу не саму эту реальность, а свои восприятия, свидетельством чему служит язык научной психологии, мало отличающийся от обыденного языка, который выражает наш феноменальный опыт” (с. 40). Представляется, что А.В. Юревич описывает ситуацию, характерную для 80-90-х гг. XIX в., хотя уже тогда все последовательно сменяющие друг друга версии интроспекции отвергались, поскольку не обеспечивали доступа к предмету исследования – сознанию; использование интроспекции показало, что обыденный язык не отражает, во всяком случае прямо, феноменальный опыт. Поэтому утверждение, что “все психологические “империи”, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ – говорят на феноменологическом языке” (с. 41) не соответствует действительности. Язык психологии чрезвычайно разветвлен и дифференцирован. Как “локальные” парадигмальные языки, так и общепсихологический имеют немного общего с языком бытовым, обыденным. Более того, корневое подмножество профессиональной лексики психологии восходит преимущественно к весьма развитому языку философской теории познания (см., например, [13]), а обыденный язык заимствовал эти понятия уже из популярной (профанной) психологии и философии. В обыденном употреблении они утратили определенность. Их возвращение в психологию нагруженными семантикой обыденной феноменологии – один из источников эрозии профессионализма. Заметим, что попытки дать формулировки парадигмальных или общедисциплинарных положений в терминах обыденного языка, т.е. “рассказать” факты вне теорий, – в полной мере соответствуют основам позитивистской методологии.

Более узкая трактовка использования феноменологии, проиллюстрированная в статье А.В. Юревича самоотчетами Э. Толмана, согласно которой “исследователь неизбежно черпает объяснительные схемы из своей собственной феноменологии” (с. 40–41), также не может служить обоснованием феноменологичности результатов психологического исследования. Важно, что “признания” такого рода не совершаются в текстах собственно исследовательских статей. Действительно, обращения к “собственной феноменологии” (равно как к случайным, обыденным наблюдениям, художественным образом, имплицитному знанию, интуиции и т.п. – “Когда б вы знали, из какого сора...”), как и особенности биографии исследователя, являются важными составляющими

ми процесса творчества. Но эти “подсказки” невозможно эксплицитно включить в логику объяснения, так как эксплананс в явной форме может содержать лишь результаты исследований, выполненных в соответствии с логикой модели предсказания/объяснения. Если этим находкам не удастся поставить в соответствие законоподобные суждения, удовлетворяющие условиям адекватности объяснения, они остаются лишь фактами личной биографии и могут или попасть в мемуары, как цитированное самонаблюдение Толмана, или сохраниться в форме гипотезы *ad hoc*.

Существенную часть истории психологии на всем протяжении ее существования как самостоятельной дисциплины определяло стремление разрешить проблему феноменологии через формулирование принципа реконструкции – системы правил перехода от наблюдаемой феноменологии к описанию недоступного непосредственному наблюдению предмета психологического исследования. В качестве версий такой системы могут быть рассмотрены “постулат непосредственности”, фрейдовский метод реконструкции структуры бессознательного, исследовательские приемы “теории поля” К. Левина, модели репрезентации когнитивной психологии и т.п. Тупиковые, с нашей точки зрения, ветви эволюции психологического знания связаны с отказом от реконструкций. К ним можно отнести радикальный бихевиоризм, редукционистские физиолого-психологические построения (теории тождества или параллелизма психологического и физиологического, эпифеноменализм); разные версии интроспекционизма – экспериментальная (В. Вундт), аналитическая (Э. Титченер), систематическая (О. Кюльпе), интроспекция/экстроспекция (метод эмпатии, гуманистическая психология), выдержанные в рамках позитивизма.

Сопоставляя степень подверженности феноменологизму психологии и “точных” наук, Юревич отмечает “принципиально нефеноменологический характер” последних (стр. 41). Но в истории “точных” наук во многих случаях можно обнаружить феноменологический этап развития (теории стихий – в “протохимии”, теорию импульса – в физике, астрономические представления в вавилонской традиции (см. [6]), поэтому они имеют не “принципиально нефеноменологический характер”, а “теперь имеют нефеноменологический характер”. Точные науки избавились от феноменологизма, поскольку строили *реконструкции* исследуемой реальности, хотя это и находилось в противоречии с позитивистскими принципами (реконструкция формы орбиты Марса И. Кеплером, реконструкция нулевого значения температурной шкалы Кельвиным, все построения квантовой механики и атомной физики и т.д.).

А.В. Юревич точно отмечает, что “...не-феноменологичность ... и контр-феноменологичность

в точных науках обеспечивается ... многократной разделенностью этой реальности и ее исследователя" (с. 41). Добавим лишь, что эту разделенность, а, точнее, необходимость перехода от феноменологии к исследуемой реальности, обеспечивают приемы исследования. Как нам представляется, точно также и в психологии метод и нормативы организации исследования определяют дистанцию между субъективной феноменологией исследователя (организованной или стихийной интроспекцией) и реконструируемым предметом психологического исследования.

Таким образом, с нашей точки зрения, для того, чтобы решить проблему феноменологичности психологии, необходимо развитие нормативов, позволяющих реализовать принцип реконструкции, а для этого следует преодолеть реликты позитивистской методологии, последовательно придерживаясь гипотетико-дедуктивной логики, дедуктивно-номологической модели предсказания/объяснения и развивать их применительно к психологическому исследованию. Следует эксплицитно формулировать возможно более полные системы гипотез о реконструируемом предмете изучения, применять строгие приемы фальсификации гипотез, придерживаться строго корректного применения статистических процедур и приемов моделирования. Для того, чтобы дать точную эксплицитную формулировку принципа реконструкции, необходимо решить весьма важные вопросы: каковы ограничения класса психологических объектов, к которым применим этот принцип, какие морфизмы (изо-, гомоморфизм) применимы к объектам этого класса, и т.п.

По мнению Юревича, разрешению "основного вопроса психологии", т.е. феноменологичности психологии, мешает "несоразмерность феноменологического и физиологического знания" (с. 44). Мы полагаем, что, если исходить из методологически удовлетворительного решения психофизиологической проблемы (см. [14, 17, 19, 25]), речь должна идти об использовании результатов, полученных при помощи электрофизиологических, нейрофизиологических и собственно психологических методик (включая тестовые, прожективные и субъективный отчет), для реконструкции психологических структур и процессов, основываясь на принципах взаимодействия/развития, детерминизма, системности, активности, субъективности в рамках гипотетико-дедуктивного метода.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основной диагноз, поставленный А.В. Юревичем, точен – психологическое научное сообщество переживает кризис рациональности. Однако наш анализ показывает, что источник кризиса, его смысл и наиболее правдо-

подобное разрешение – иные, не те, что предполагает автор. Суть этого кризиса – трудный разрыв с позитивистской/индуктивистской рациональностью. Наша позиция отличается от предложенной в статье тем, что, как показывает анализ, отход от позитивистской методологии не только не предполагает отказа от строгой гипотетико-дедуктивной логики построения психологического исследования и "математизации" психологии, но прямо требует строгого соблюдения и дальнейшего развития этих нормативов, которые ни по сути, ни по происхождению не связаны с собственно позитивистской методологией.

Именно на основе таких нормативов могут быть развиты процедуры реконструкции предмета психологического исследования, радикально преодолевающие феноменологизм.

Каждый раздел наших заметок содержит выражение несогласия с оценкой Юревичем психологического сообщества как однородного. В очевидной поляризации сообщества по отношению к общенаучным ценностям, целям, нормативам и инструментам исследования проявляется гетерохрония смены типов рациональности в различных парадигмах. Мы полагаем, что позицию автора по отношению к методологическому статусу психологического сообщества можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, это взгляд на психологию не с позиций какой-либо определенной парадигмы, теории, школы, но "извне" психологии как единой дисциплины, причем не с наддисциплинарных, общенаучных позиций. Во-вторых, автором представлена вневременная картина состояния психологии, в которой совмещены все этапы ее развития, начиная со времен В. Вундта.

С нашей точки зрения, методология является обобщением практики исследований, методологическая зрелость дисциплины достигается только через собственную исследовательскую практику, в которой зафиксированы этапы становления дисциплины. Возможности заимствования готовых методологических положений из других дисциплин, в которых они были сформированы, крайне ограничены. Методология может лишь содействовать рефлексии научным сообществом уже сформировавшихся, но имплицитных нормативов и их институализации. Исследователи заинтересованы не во вневременных и внедисциплинарных методологических описаниях, а в точных и обоснованных оценках эпистемологической ситуации, сложившейся в психологическом сообществе к настоящему времени, и обязательно дифференцированных – для конкретных парадигм или иных структурных составляющих дисциплины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет фило-

- софского исследования. М.: РАН, Институт философии. 1995. С. 56–90.
2. Андреев А.Ю. Теория ошибок и ошибки теории А.Т. Фоменко // Мифы “новой хронологии” А.Т. Фоменко. Материалы конференции на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 21 декабря 1999 г. / Ред. В.Л. Янин. М.: SPSP – “Русская панорама”, 2001. С. 211–247.
 3. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981.
 4. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
 5. Дугерти К. Введение в эконометрику. М.: Инфра-М., 2001.
 6. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.
 7. Исторические типы рациональности / Ред. В.С. Степин, П.П. Гайденко, В.А. Лекторский. М.: Институт философии РАН, 1996. Т. 2.
 8. Корнилова Т.В. Введение в психологический эксперимент. М.: Изд-во МГУ; ЧеРо, 1997.
 9. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психол. журн. 1993. № 2. С. 113–126.
 10. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки / Ред. Б.С. Грязнов, В.Н. Садовский. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.
 11. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1995.
 12. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
 13. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
 14. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
 15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
 16. Мюллер П., Нойман П., Шторм Р. Таблицы по математической статистике. М.: Финансы и статистика, 1982.
 17. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
 18. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
 19. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
 20. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1990.
 21. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
 22. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981.
 23. Хьюбнер К. Критика научного разума. М.: Институт философии РАН, 1994.
 24. Швырев В.С. Логика индуктивная // Философская энциклопедия. Т. 3. М.: Издательство “Советская энциклопедия”, 1964. С. 222–224.
 25. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. М.: Институт психологии РАН, 1995.
 26. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
 27. Sachs M.L., Thomas J.R. Hugs: Homage unto the God of Significance // The Worm Runner's Digest. V. XXI. № 2. December, 1979. P. 93–95.